

вследствие внутренних причин, феодальной раздробленности, и внешних: интенсификации кампаний византийцев против них, особенно к концу X века, во время Василия II, заканчивающихся захватом Болгарии после подавления последнего болгарского сопротивления (1014—1018).

В поддержку утверждения, что славянское население не было многочисленным на севере Дуная, до X—XI вв., приведём ещё один аргумент: среди многочисленных топонимических названий славянского происхождения в Румынии, акад. Э. Петрович не нашёл ни одного с сочетанием *in / im* вм. носового *q*, а только *c in /im* (*Cîmpina, Glimboca*): сл. *корина, глубока*¹; это свидетельствует о стадии *ā* носового в болгарских говорах. Следовательно, эти названия местностей не древнее XI века².

Думаем, что первоначально слабые отношения между романско-румынским населением и славянами были обусловлены пастушеством, практикуемым румынами, которое заставляло их перемещаться с одного места на другое. Высказывалось мнение, и это следует учитывать, что и различие религиозных концепций, может быть, мешало устанавливать более тесные отношения между румынами и славянами до крещения последних, в IX веке (когда крестились и южнодунайские славяне).

6. Вывод: Славянское влияние на румынский язык началось только в X веке, т. е. после процесса трансформации романско-дунайского языка в язык, отличающийся от других романских языков. Тезис, согласно которому славянский элемент является определяющим фактором в самом процессе образования румынского языка, в том смысле, что румынский язык образовался только после славянского влияния, не можем принять.

*

Мы остановились здесь лишь на лексическом славянском влиянии, самом древнем и самом сильном. Славянское влияние в других ярусах языка, даже в фонетике, более позднее и менее важное.

¹ *Toponymes roumains d'origine slave présentant le groupe «voyelle + nasale» pour le sl. comm. * q*, в «Contributions onomastiques publiées à l'occasion du VIe Congrès international des sciences onomastiques à Munich du 24 au 28 août 1958», стр. 39—40, 41, 43.

² См. И. Пэтруц, *цит. раб.*, стр. 27.